

Дмитрий Кириллов

СТРАННЫЕ ИГРЫ ЧАРОДЕЕВ

Вместо предисловия

Тема взаимоотношений человечества с другими мирами подробно разработана писателями-фантастами. Даже начинающим писателем... Кирилловым, кажется. Но попробуем представить эти контакты как своего рода развлечение обитателей других миров (если предположить, что их уровень технологий и духовных запросов намного выше нашего). Тогда 77 (описанный в рассказе Д.А. Кириллова) — всего лишь школьник, сбежавший с уроков. Развлекаться можно гораздо изящнее, что докажет появившаяся в разгар событий фигура, которую мы будем именовать лаконично — Большой Шутник.

I

— Плюшка, хватай его! Ну, откуда твои руки произрастают!

"Всё-таки у Пашки лужёная глотка", — Плюшка, она же Женя Плюшенкова, устало плюхнулась на траву.

Весь сыр-бор из-за редкого вида усача, которого как раз недоставало в Плюшкиной коллекции для минимального объёма. Эту коллекцию предстояло сдать Плюшке, студентке I курса по истечению полевой практики. А так как она, как обычно, всё делала в последний момент, пришлось двум мужественным третьекурсникам прийти на помощь. И они помогли от души. Громоздкий Пётр, плечом к плечу с задыхающейся первокурсницей, с сачком в правом кулаке, носился по зелёной лужайке у кромки леса. А изящный и между тем небрежный всегда и во всём Павел подбадривал и правильно ориентировал их в пространстве истошными рекомендациями.

Усач был наконец схвачен. Павел перевёл дух. Водварив жука на морилку, троица студентов побрела по пыльной дороге. По обочинам желтела пижма и белел подмаринник. Солнышки поповника весело разглядывали большое небесное солнце. Перед идущими людьми совершал чемпионские прыжки вечный полуденный попутчик жарких дорог — скакун-межняк. Женьке было очень хорошо здесь, на этой дороге, среди этих лугов, с этими людьми. Почему она раньше не замечала как красиво солнце. Гораздо красивее люстры в самом дорогом кабаке. Может быть, в её жизни раньше просто не было места солнцу?

II

Мост через Волгу был окутан беловато-серой пеленой. Ботинки Плюшки противно чавкали при каждом шаге. Хотя её и взяли в 10-ый класс, учиться она так и не начала, что стало причиной постоянных конфликтов с матерью. Это уже потом Плюшка оценит благородство этой родной, вечно усталой женщины. Она неловко пыталась заставить повзрослевшую дочь делать уроки и приходить домой хотя бы в 22.00. Она позволяла лениво мять грубыми лапами своё тощее тело тупому и хамоватому гражданину, который появляется примерно раз в пол года в расчёте на жалкие финансовые вливания в бюджет семьи. Этот гражданин, работая электриком, по роковому недоразумению был родным отцом Плюшки.

Ещё некоторое время назад Плюшка орала проклятья в адрес матери в сторону своего окна, стоя в огромной луже, топая и пиная брызги. Мать не дала денег на дискотеку, а там девушку ожидал самый прекрасный мальчик на свете — Вася (как она поняла гораздо

позже — недалёкий и вечно кривляющийся червяк).

Сейчас, перегорев, она тряслась от холода и мучилась совестью. Остановившись, она перегнулась через перила и посмотрела в свинцовую воду. По закону жанра ей должна была прийти мысль о бессмысленности бытия и, как следствие — о самоубийстве. Но не пришла. Почему-то подумалось о том, как её впервые назвали Плюшкой. Шурик назвал, Федотов, маленький и сопливый, ещё в первом классе.

Резкий скрип тормозов резанул воздух.

— Вай, Магамет, смотри какая девочка, слушай...

Потом, покрываясь холодным, липким потом при одном воспоминании об этом проклятом вечере Женька жестоко вынесла приговор самой себе: "Сама виновата. Зачем подошла к распахнувшейся дверце, навстречу златозубым фальшивым улыбкам? Зачем не бросилась бежать? Зачем?"

— Магомет, слушай, поиграл, дай брату поиграть. Вай, какие у неё... Сейчас дядя Рустам тебе кое-что покажет...

И смех резкий, грубый. Женька с тех пор не может слышать мужской смех, зажимает уши ладонями...

И боль, болит всё тело. Собственный крик рвёт барабанные перепонки, переходит постепенно в сиплый хрип. А-а-а!!!

Над Женькой — серый дощатый потолок базы студентов-биологов, прихотливо расписанный здешними графоманами. На краешке кровати рядом — насмерть перепуганная Лена.

III

Всё в жизни когда-то бывает впервые. Этим утром Женька впервые умывалась у колодца. Невозмутимый Пётр лил ледяные струи в подставленные девичьи ладоши из помятого ведра. Причём по-богатырски щедро. Футболка намокла и прилипла, и это делало явным, что у Плюшки оказывается замечательная фигура. Пётр, стараясь не смотреть (будучи по-детски застенчивым), блуждал взглядом по макушкам молодых сосёнок, над которыми прошлым вечером вились упитанные жуки, носящие научное название нехрущ июньский.

Затем его взгляд скользнул вверх, к голубоватым высотам и достиг одинокого облачка, вокруг которого играли в догонялки два стрижа. На стрижах взгляд Петра-орнитолога и остановился. Струи иссякли, и Женька удивлённо подняла глаза цвета того неба, что было над ними.

Светлая чёлка прилипла к мокрому лбу. Женька улыбалась. Гораздо более наблюдательный Павел, проходя мимо этой скульптурной группы в сторону мест общего пользования, зацокал языком. Ведро оказалось отнюдь не пустым. Мокрый Павел возмущённо хлопнул ветхой дверцей "удобств".

Если бы молодёжь хоть бы иногда смотрела по сторонам, они конечно же увидели странного высокого человека средних лет в соломенной шляпе и в галифе. Улыбнувшись, Большой Шутник растаял в воздухе.

IV

— Всё таки Вы несомненный примитив, 77-ой, — Большой Шутник с интересом рассматривал своё изображение в большом зеркале. — То, что Вы устроили с этим Гордеем из города... впрочем не стоит. Так вот, на этой планете сказали бы, что Вы просто неуч!

77-ой возмущённо сверкнул красками сразу:

— Большой Шутник, Вы предвзяты! Заставить человека поверить в свои силы — это две звезды в мою пользу.

В зеркале рядом с отражением Большого Шутника появилось странное существо размером с овчарку средних размеров, с бурой шерстью из под крупной чешуи, с

небольшими оперенными крыльями, гребнем стоящих жёстких перьев вдоль спины и большими умными глазами. Оно подало древнюю игральную доску с блестящими звёздами вместо фишек, бархатно-чёрную, будто вырезанную прямо в ночи.

— А, Хорк из народа Хорков. Ну, как, они уже целуются. Те двое, у колодца... Ну, шучу, шучу, не сверкай 77-ой — я не играю так просто, — Большой Шутник нервно хихикнул и потёр руки. — Знаешь, 77-ой, я гораздо более моралист чем кажусь. Просто на этой планете явный перевес отрицательной энергии. А один из её источников — отрицательные эмоции. Им просто необходимо чаще придаваться радости. Этим землянам, как они себя называют. Кстати, на игровом поле — Пётр и Павел. Знаменитые фигуры в одной мудрой книге. Посмотри же на работу мастера, мальчуган!

Ещё долго чародеи вели странные игры фишки-звёзды, а ставка — людские судьбы.

V

Блики костра плясали на смуглых щеках Павла и в его тёмных глазах. В нём было много от Маугли, кроме, конечно, острого языка и любви к фолкroku. Вначале за ним утвердился слава никчемного трепача, но первая же полевая практика развеяла её. Прежде всего, маршрут по лесу давался ему проще, чем другим студентам, которые пыхтели, ломали кусты, но всё же не успевали за Павлом и, конечно же своим одержимым преподавателем Сергеем Сергеевичем — грозой стрекоз и бабочек. Потом выяснилось, что Павел замечательно играет на гитаре и поёт (даже был когда-то солистом молодёжной группы), то есть у костра человек незаменимый. Девушкам с его курса оставалось предполагать, что он окажется "слабаком" и "тормозом" в учёбе. Но "слабак" без особого труда уложил на обе лопатки в шутилой возне здорового Петра (как позже выяснилось — он 6 лет занимался рукопашным боем). А латынь он сдал раньше всех играючи. В общем, девушки группы 12 тяжело вздохнули, но были просто вынуждены дружно влюбиться в Павла Грунько. Это его впрочем, взволновало не больше, чем, скажем предвыборная ситуация в Аргентине.

Тут Женька поймала себя на том, что уже несколько минут любит Павлом. Она раздражённо трянула чёлкой и стала разглядывать жаркое чрево костра. Елена с ужасом таращилась в темноту и прижималась спиной к Жене. Они расположились на огромном пне, ближе к лесу. С другой стороны костра оседлал бревно Пётр. Он с героическим выражением лица точил охотничий нож.

В зарослях на берегу пискнул птенец ушастой совы. Павел отошёл в сторону, спустился по склону обрыва к реке и задумчиво разглядывал колеблющиеся отражения звёзд в тёмной воде. Небесный поток меж двух берегов...

В чаще скрипнуло, хрустнуло, зашелестело. Пётр с изумлением уставился на другой конец бревна, ухватившись крепче за ручку ножа. Елена тихонько завyla и вцепилась в Женьку, отчего обе чуть не упали со своего пня. Женька сердито стряхнула её, глядя туда же, куда и Пётр. Павел стремительно взлетел по косогору и остолбенел.

Крепко вцепившись в кору мощными когтями у костра расположился ещё один персонаж: чешуя блестела в свете костра, речной ветер слегка шевелил гребень из перьев. Большие глаза смотрели вполне осмысленно и приветливо. Вспугнутый козодой вылетел из-за сосен. К костру из лесной тьмы вышел высокий человек в смешной соломенной шляпе.

VI

Незнакомец вежливо поклонился и хлопнул в ладоши. Изображения звёзд, людей, деревьев начали искажаться.

Женька стояла около знакомого моста через Волгу. Вокруг снова серая пелена. Сверкнули вдали фары приближающейся девятки с двумя её ночными кошмарами в салоне. Женька поняла это сразу. Она бросилась с дороги в кусты. Машина пронеслась мимо. Женька поспешила домой. Извиниться перед матерью.

Снова ночь, снова звёздная река, ночные птицы и четверо приумолкших студентов около костра. Елена открыла было рот. Женька прикрыла ей рот ладонью. Те тяжкие несуразные вещи, которые должны были произойти с каждым из них — не произошли. И что бы это ни было — тяжкое оскорбление или измена себе самому ещё не произошли. А лучше, если уже не произошли. Женя взяла Пашу за руку, и они сбежали по косогору вниз. Прямо к звёздной реке.